

для деятельности в условиях, когда значительная часть средств должна зарабатывать самими этими учреждениями. Разработка специальных курсов для этого типа работников позволит им и психологически лучше адаптироваться к переменам, повысить качество кадрового потенциала сферы культуры.

Исследование состояния процесса передачи ведомственной инфраструктуры сферы культуры на баланс муниципалитетов или других властных организаций в регионах позволяет утверждать, что пока региональные руководители сферы культуры не могут однозначно оценить, насколько позитивно это отразилось на общем состоянии сферы культуры в их регионах. Позиции экспертов носят достаточно противоречивый характер, а позитивность или негативность процесса передачи оценивается в свете многих факторов, в том числе общего социально-экономического положения в данном регионе и способности использовать переданную инфраструктуру по назначению.

Однако не вызывает сомнения то, что этот процесс должен быть взят федеральным центром под контроль, осуществлять его нужно с учетом стратегических целей культурной политики России на перспективу. При этом очевидно, что региональная сфера культуры не может отказываться от любых действий, обеспечивающих ей финансовую поддержку.

Материалы интервью дают основания предположить, **что выигрыш для сферы культуры, в случае передачи ей ведомственных учреждений, все-таки выше ее проигрыша.** Однако многое здесь определяется позицией региональных элит и способностью самих управленцев сферы культуры рационально распорядиться новыми возможностями.

Мы полагаем, что эффективность подобных шагов для региональной сферы культуры была бы еще выше, если бы центр точно сформулировал “правила игры”, учитывая наиболее существенные ограничения, с которыми приходится сталкиваться в регионах. Это необходимо не только центру, но и самим регионам, которые не имеют реальной информации о том, какие оптимальные модели деятельности здесь возможны и какими последствиями сопровождается тот или иной шаг в заданном направлении.

© 2000 г.

О. Шахназаров,
кандидат исторических наук,
директор СОТЭКО

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: РУССКИЙ ПУТЬ¹

ЗАТАИВШИЙСЯ НАРОД

Для России 1917 года возможность победы большевиков отнюдь не была аксиоматичной. Достаточно посмотреть на ее представительство в составе всех дореволюционных Дум и послереволюционном Учредительном собрании – жалкая картина. Ее никто “своей” не считал. Просто невероятно, чтобы большевики, не имевшие опоры в деревне, могли навязать свою власть стране с населением 91 млн человек, из которых 85 млн были крестьянской массой. Тем более, что именно крестьяне в основном и были вооружены, так как не индустриальные рабочие освобождались от призыва на фронт. Большевикам же в деревне сопротивлялось явное меньшинство, особенно в центральной и северной части России.

Вот что сами большевики сообщали о своих организациях в промышленных центрах России того времени: в Петрограде – 2000 человек, Москве – около 600, на всем пролетарском Урале – 500, в Екатеринославле – 400, в Новгороде – 400, в Твери – 120-150, в Иваново-Вознесенске – 150-200, в Самаре – около 150, в Харькове – 200, в Киеве – 200, в Макеевке – 180-200. В середине февраля 1917 года большевистские центры в Петрограде действовали в глубоком подполье. В их партийных ячейках на Путиловском заводе насчитывалось около 100 человек, на заводах “Новый Лесснер” – 75-80, “Розенкранц” – 80, “Старый Парвиз-нен” – около 45, “Старый Лесснер”, Русско-Балтийский и Ижорский судостроительный – примерно по 30 человек”. Вот, в сущности, и все пролетарии (400 человек) крупнейшей в стране большевистской организации. Запальчивых агитаторов из числа эсеров и энэсов (Народных социалистов) было больше чем у эсдеков (РСДРП). Эсдеки были бедны. Финансовые возможности их влияния были ничтожны в сравнении с октябристами и кадетами. Даже для Ленина свержение царизма было неожиданностью.

Для свержения самодержавия, для смены доминирующей идеологии в общественном сознании должны были произойти устойчивые сдвиги, на которые уходят десятки и сотни лет. До 1917 года не было ни одного сколько-нибудь значимого обществоведа из светских или клерикальных кругов, который свидетельствовал бы о том, что в России *вере в Бога*

¹ Окончание. Начало см. Общество и экономика, № 2, 2000.

угрожала *вера в безбожие*. В. Соловьев писал, что угроза православию виделась не в атеизме, а в том, что половина православных христиан готова отойти в староверие, а половина высшего общества – в католичество. Ни у кого – *подчеркиваю* – ни у кого не вызывал сомнения глубоко религиозный характер русского народа в период, когда Россия переходила через 900-летний рубеж христианства.

Уже ближе к 1000-летию появились авторы, утверждавшие, что интеллигенция и даже поповские сынки со времен Екатерины II массово скатывались в атеизм. Были и такие, но на каждого известного атеиста приходилось несколько не менее известных глубоко верующих личностей. К тому же отход от господствующей церкви не означал отход от христианства, а ведь именно на этой основе строится аргументация об “атеизации” русских. Не было безбожия, а была христианская паства и были казенные пастыри. Наконец, о какой массовости можно говорить, если интеллигенция составляла менее одного процента русского общества. Другие авторы стали “припоминать”, что в начале XX века иерархи озаботились ростом атеизма, но все было недосуг заняться этой проблемой всерьез. Значит, не настолько она была серьезной, если недосуг. К тому же гораздо большее число авторов утверждает как раз обратное – конец XIX – начало XX века был периодом роста религиозности. Встречаются и такие, кто утверждает, что православные сдали позиции в конце второго десятилетия из-за ужасов первой мировой войны, что, правда, не мешает другим утверждать, что взлет религиозности в 40-е годы произошел именно из-за ужасов второй мировой войны. Есть и такие, кто, ничтоже сумняшеся, пишут, что вот так получилось – в 1917-1918 годах религиозность взяла и уменьшилась! Чудеса, да и только!

Не было чудес. Подавляющее большинство русских участников событий, разворачивавшихся с 1917 года на стороне красных и белых, карателей и жертв, вождей и исполнителей были самыми что ни на есть настоящими христианами. Других русских в России почти не было, другими они просто не могли быть. Атеисты насчитывались тысячами, от силы десятками тысяч. Они составляли ничтожное меньшинство, ничего и никому силой и тем более самостоятельно *навязать* не способное. Их число множилось – это верно, но это был процесс, и он требовал времени – это, во-первых. Во-вторых, “атеизм” русского общества 1917-1953 годов не был таковым в полном смысле этого слова. Не сразу оно стало таковым и тогда, когда “атеизация” в самом деле началась со второй половины 50-х годов. В 1964 году “безбожники” Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС во главе с А.И. Клибановым в ходе полевых исследований обнаружили, что половина детей из рабочих семей флагманов индустрии Москвы и Ленинграда прошли через обряд крещения. В провинциальном Воронеже, где обследования проводились в несколько ином формате, среди пенсионеров верующих оказалось 76,3%. А ведь это были люди, кото-

рые в первые десятилетия советской власти были в расцвете сил. Про сельское население я и не говорю, не привожу и более впечатляющие цифры из других источников – только то, что признавали сами атеисты, когда советская власть готовилась отмечать полувековой юбилей.

Так что же в России происходило? Российская история первой половины XX века была прорывом из тенет экономического отставания, переходом к геоцентризму, Реформацией, которая позволила православным выйти из двух-с-половиной-вековой патовой ситуации, объединиться и даже примириться в лоне особого типа религиозности – явления, даже участникам до конца непонятного. Те, кто отказался поступаться принципами, поныне не способны найти согласия (шесть церквей, претендующих на право называться истинно православными – это, согласитесь, многовато для одной страны). Миряне же, по сути, совершили то, что и все европейские христиане, но, по ранее изложенным причинам, позже. Сделали это так, как могли, исходя из своего исторического опыта и конкретных внутренних и внешних экономических и политических условий первой четверти XX века. Осознание этой незамысловатой истины позволяет отказаться от полных несуразностей и противоречий про- и антибольшевистских мифов, позволяет увидеть простую логику советского периода русской истории. Ответить осталось на вопрос: кем были представлены противоборствующие стороны?

В архиве ленинского сподвижника и специального уполномоченного партии по делам “религиозных сект” Бонч-Бруевича были обнаружены записи, которые вызывали у исследователей недоверие. Важнейшими среди них были утверждения, что в России накануне 1917 года существовали десятки миллионов “сектантов” и еще какая-то малоизвестная, но, предположительно, многочисленная “секта бегунов”. Один автор, много и плодотворно занимавшийся изучением русского “сектантства”, даже иронизировал по поводу большевистских “измышлений” насчет того, что в народе якобы существовал другой близкий им никому не известный “народ”. У меня эти свидетельства иронического отношения не вызывают. Как не вызывали они и за десятилетия до “откровений” Бонч-Бруевича у МВД царского правительства, считавшего, что старообрядчество, в которое входили и бегуны, составляло “какое-то особенное общество – антицерковное, антиобщественное, способное ко всему самому зловередному”. Не разделяю отношение царских чиновников к старообрядцам – нечего на зеркало пенять ... Их никто в Россию не засылал. Они продукт отечественной истории.

Начнем по порядку. Раскол 1654-67 гг. выглядел как неразрешенное внутрицерковное разногласие по вопросам обрядности и точности перевода текстов с греческого на славянский. Россия тогда нуждалась в централизации власти для того, чтобы можно было концентрировать человеческие ресурсы для ускорения экономического развития. Патриарх Ни-

кон взялся привести церковную жизнь в соответствие с назревшими потребностями. Ноша, по уже известной причине, оказалась непосильной. Духовенство раскололось на сторонников самобытности, с одной стороны, и на сторонников восстановления изначальных греко-византийских традиций – с другой.

Слово “реформа” означает изменение. В России середины XVII в. оно означало не внедрение нового порядка, а возврат к предстартовой ситуации. В итоге *появилась господствующая* (ортодоксальная, синодальная) православная церковь, соответствовавшая потребностям централизации и регламентации общественной жизни. Но сохранилась и *старообрядческая* (национальная, староверческая) православная церковь. Одни предпочитали называть себя старообрядцами, отрицая, замечу – обоснованно, обвинения в *интеллектуальном* консерватизме, другие – староверами, подчеркивая верность заветам и отрицая обвинения в том, что суть раскола лишь в соблюдении обрядов – тоже небеспричинно. Так или иначе, старообрядцы де-юре были объявлены раскольниками, хотя де-факто именно они были хранителями традиций, а раскольниками были их противники. Это обстоятельство объясняет причины того, что не им, а господствующей церкви пришлось биться за паству, чем она, правда, особенно себя не утруждала, переложив львиную долю забот на светскую власть. В силу вышесказанного, значительная часть русских, если не сказать все русские, тайно или явно тяготели к староверию. Для них это означало ничего в своей жизни не менять, жить, как жили. Если бы они имели право свободного выбора, скорее всего, реформа вылилась бы в скоро забытую свару между иерархами. Но свободы выбора не было. Если хочешь оставаться верным традициям отцов, готовься к дыбе и кандалам. Понятно, что не все были к этому готовы. Что же касается самого староверия, которое на момент раскола представляло собой гибрид язычества с христианством, то от него следовало бы ожидать постепенной деградаци и вымирания под прессом государственного насилия и реформ. Произошло иное.

Среди факторов, оказавших глубочайшее влияние на судьбу национального православия, были свирепые гонения со стороны государства и теснота жизненного пространства, в котором ему пришлось развиваться. В своей совокупности это привело к двум важнейшим последствиям, определившим в дальнейшем его роль и место в обществе. В течение первых ста лет существования староверческого братства пришло к выводу, что люди не свободны в выборе мировоззрения, что вера – это идеология выживания. У них развилось представление о свободе как об осознанной необходимости подчинения правилам, находившимся вне их контроля, что закалило их и позволило сохраниться, но не в изначальном, а в адаптированном к внешним условиям состоянии. Другим последствием – ассоциация происшедшего *с концом света. Это был крае-*

угольный камень миропонимания староверов. Старообрядческая эсхатология непосредственно или косвенно с большей или меньшей интенсивностью у разных представителей этого религиозного течения была связана с представлениями о “приходе антихриста” – неблагочестивых самодержцев, поддерживаемых ортодоксальной церковью. Староверы стали ожидать Мессию. Без осознания этого факта невозможно адекватное восприятие событий, разворачивавшихся в первые десятилетия XX века. И наконец, национальная православная церковь видела в иностранном влиянии первоисточник раскола и, соответственно, выпавших на русскую голову бед – это убеждение у нее осталось на всю жизнь, даже после того, как *ее представитель* принял отречение последнего русского самодержца.

Те из ее приверженцев, которые целыми деревнями вместе с рядовыми священнослужителями оставались верными *русскому* православию, сохраняли и священников. По этой причине, не имевшей первоначально никакой иной подоплеки, они стали известны как “поповцы”. Их было меньшинство. Проходили года, десятилетия, века. Священники уходили в мир иной. Собственных духовных учебных заведений староверы в России иметь не имели права, не было условий для рукоположения священства. В зависимости от того, какой они находили выход из положения, поповцы стали подразделяться на *беглопоповцев*, принимающих священников-перебежчиков господствующей церкви, *единоверцев*, заключивших на унижительных условиях договор с господствующей церковью о направлении к ним своих священников, и на *белокриницких*, принявших священство Белокриницкой старообрядческой епархии с центром в Белой Кринице на территории Австро-Венгрии.

Тем, кому пришлось бежать с насиженных мест в разные стороны, но поначалу все-таки по преимуществу к северным пределам, сохранять было нечего. Они становились “беспоповцами”. Их было большинство. Численность возникавших организаций крупных и малых оценивается сотнями. Строительство церквей в том же безлесном Поморье было делом сложным, если вообще выполнимым. Сооружались часовни. В лесах, как например, в Усть-Цилемской тайге, строительный материал был, но обитателям разбросанных по тайге скитов трудно было бы добираться до общих храмов. К тому же постепенно возвращавшиеся в деревни и города старообрядцы, а также прозелиты (принявшие старообрядчество ортодоксальные православные), предпочитали не привлекать внимания царских ищек. Их тайные *молельни* могли располагаться в частном сельском доме, во взятой в аренду городской квартире, даже в *заводском цехе*. Они, как и западноевропейские протестанты, решили, поскольку человек творение Божье, то церковь вполне может разместиться не вне, внутри него. Кажется невероятным, но это произошло – чисто русский вариант протестантизма.

Живучесть национального православия, помимо адекватной обстановке идеологии, обеспечивалась и гибкой рассредоточенной структурой. Малыми группами они объединялись вокруг *лидера-учителя* (расколоучителя). Для решения организационных и хозяйственных проблем создавались *советы* из выборных, уважаемых лиц. Такие административно-хозяйственные единицы создавали самостоятельные “толки” (*учения*), если были достаточно крупными, или объединялись для этой цели с другими, если были малочисленными. “Толки” объединялись в федерации – “согласия” со своими *советами*. Федеративное строительство осуществлялось на основе близости *учений*.

Староверы в своем большинстве были людьми грамотными. Лишенные доступа к церковным книгам, миряне-староверы стали вызывать свои святыни, переписывать и распространять их по деревням, городам, лесным скитам. Число вовлеченных в этот процесс было так велико, что, по образному выражению известного исследователя старообрядчества М.О. Шахова, крестьяне для обсуждения вопросов веры отправлялись на диспут в соседнее село, загрузив телеги доверху книгами. В общеобразовательных школах священники ортодоксальной православной церкви преподавали Закон Божий, а учителя многочисленных подпольных “религиозных” старообрядческих школ обучали и арифметике, и грамматике.

В старообрядческой среде стал исчезать обряд причащения потому, что, согласно их вере, лучшим способом искупления грехов является ежедневный, добросовестный труд – “кто от своего труда питается – тот всяк день причащается”. Старообрядцы осудили великолепие ортодоксального православного храма, одеяния “белого” духовенства и помпезность литургии потому, что не так передал Господь человечеству свою мудрость, и грех роскошествовать в распространении его учения среди людей. Они не поминали покойных, считая, что человек всей своей жизнью, а не заупокойной молитвой, должен заслужить рай. Каждому свое, а “моления, поминки, деньги и пьянство никак не помогут”. Употребление алкоголя считалось грехом. Они не совершали захоронений по официальному православному обряду, потому что считали тело бранным, не отличающимся от земли, в которую уходит. Они придавали большое значение образованию и были в своих верованиях *деистами*, т.е. людьми, считающими, что бог создал мир и задал ему движение, но все происходящее в этом мире есть дело рук человеческих. В поведении староверов рационализм достигал такой степени, что некоторые переставали уделять много времени молитве, полагая, что поскольку Бог в них, то и незачем устанавливать с ним какой-то дополнительный контакт. Возникла “немоляцкая” традиция. “Немоляка” от рационального атеиста по поведению и поступкам *отличить нельзя*. Многие старообрядцы-беспоповцы отвергали венчание. Поначалу в связи с отсутствием

священников для отправления обряда венчания. Потом вынужденная необходимость получила идеологическое обоснование – Бог сотворил человека по образу и подобию своему и “самовластну повелено ему быти”, а потому люди свободны в том, с кем они должны пройти жизнь. Венчание они считали насилием и грехом, противопоставляя ему свободную любовь свободных людей, что не мешало им создавать устойчивые семейные пары.

У старообрядцев было два типа монастырей. У “поповцев” монастыри, хоть и отличались уставами, но все-таки были сопоставимы с ортодоксальными и располагались в достаточно крупных поселениях. “Беспоповский” монастырь – это поселение “с матушками и детками, с коровушками и люлечками”, образовавшимся вокруг расколоучительного центра с общим для всех *советом*. В монастырях-общежитиях жили устойчивыми семейными парами (обычно невенчанными), все члены распределялись по рабочим и промышленным артелям. Рабочие – выполняли коммунальные и сельскохозяйственные работы. Промышленные – уходили на заработки в города. Артели имели выборных старост и “нарядников”, назначавших объемы работ и контролировавших их исполнение. Дети выделялись в отдельную артель. У них тоже был староста, который следил за тем, чтобы они прилежно учились, а также контролировал деятельность учителей. В монастырских типографиях печатались книги, которыми пользовались все староверы России. Недвижимость и орудия труда принадлежали всему трудовому коллективу, движимое имущество было келейным (семейным). Оно переходило по наследству или завещалось общине. Имущественного неравенства не возникало. Ярким образцом такого монастыря был Выгорецкий поморский монастырь, раскинувшийся на берегах Онежского. Он просуществовал 150 лет до Николая I – “жандарма” не только Европы.

Многочисленные артели численностью в несколько десятков человек возникали и вне монастырских стен. Радиус хозяйственной деятельности старообрядцев удлинялся. Национальное православие развивалось, окружив центр страны большим северным полукольцом с запада на восток. Их общины появились в Австрии и Пруссии, в Риге и Петербурге, Пскове и Новгороде, Мурманске и Архангельске, Перми и Екатеринбурге и дальше по уральским городам вниз до Алтая. Из этой северной короны они потянулись к промышленным городам в центре России в Москву и Рязань, в Ярославль и Воронеж. Беспоповцы неизменно составляли большинство. Как у западноевропейских протестантов, слагаемыми успеха были дисциплина, последовательность, аккуратность, упорство. Было и другое объяснение достатка – староверы работали и молились – молились и работали. Большие доходы вкупе с естественными физическими и умственными различиями между людьми привели к

тому же, что в середине ХУШ века началось имущественное расслоение и обособление зажиточных семей.

Петр I начал проводить регулярные описи старообрядцев, обложив их двойным налогом. Необходимость записи “в раскол” стал первым идеологически значимым источником размежевания в старообрядческой среде. Те, кто оправдывал эту практику – *записные*, считали, что они покупают у антихриста право на существование, тем самым обеспечивая выживание истинного православия. Радикально настроенные старообрядцы считали, что ни при каких обстоятельствах они, во-первых, не должны признавать себя раскольниками и, во-вторых, не должны способствовать своими деньгами упрочению власти антихриста. Как всегда, нашлись и сторонники “компромиссного” решения. Они стали платить взятки священникам господствующей церкви за то, что те удостоверяли их принадлежность к официально признаваемому православию. Как видим, раскол имел внутреннюю подоплеку, не менявшую негативное отношение к власти. Во времена де-юре православных, а де-факто лютеран Петра III и его супруги Екатерины II, т.е. через 100 лет после возникновения национальной православной церкви, были отменены записи “в раскол”, но кандалы и каторга остались за пропаганду старообрядческих взглядов и за “сворачивание” ортодоксальных православных. Под эту статью государственные чиновники, по доносу ортодоксальных священнослужителей, могли в течение еще 150 лет до 1906 года квалифицировать и ношение характерной для древлеправославных одежды, и “крюковое” пение на собраниях старообрядцев, и внешний вид их молельных, и просто упоминание в общественном месте о своей вере и т.д.

Власть вынуждала старообрядцев вести *скрытый* образ жизни, даже *записные* были наполовину скрыты от государства и господствующей церкви. В их среде нередкостью была фиктивная регистрация рождения, браков и даже смерти. Так, например, на заводах при отпевании рабочих нанимался ортодоксальный православный, игравший роль умирающего, и приглашенный священник господствующей церкви читал молитвы и у одра мнимого, а не реально умирающего человека. Это означало и соответствующие записи в церковные книги состояния гражданского населения. Принявшие, а зачастую только имитировавшие связанные государством правила игры, регистрировались в качестве сектантов-старообрядцев и, стиснув зубы, подчинялись всем предписаниям и ограничениям, налагаемым на пасомых не господствующей церковью. Взамен они получали законное право на регистрацию браков и рождение детей, право на предпринимательство, на владение землей. Десятки, может быть сотни из них, в конце концов становились крупными фабрикантами, банкирами, купцами. Тысячи – добивались более скромных успехов. Миллионы – продолжали нести бремя экономического гнета, как и все русские, но еще и испытывать унижения со стороны чиновни-

чества, а также находиться под угрозой заключения в тюрьму по навету служителей господствующей церкви.

Практически всем будущим фабрикантам из их числа начать новую жизнь “помогла” война с Наполеоном. Когда потребовалось восстанавливать послевоенную жизнь, они, рискуя попасть в долговую тюрьму, на заемные средства начинали с мелкого производства и торговли, копили деньги, выкупались из крепостной зависимости. Это было очень тяжело, не всем удалось через это пройти. Царское правительство отреагировало учреждением в 1824 году Секретного Комитета во главе с митрополитом с целью координировать антистарообрядческую деятельность государства. Став людьми очень зажиточными, старообрядцы не скупились на строительство больниц, богаделен, театров, школ. В зависимости от своего материального положения они выкупали единоверцев семьями и целыми деревнями из крепостной зависимости, впервые в России формируя рынок свободной рабочей силы.

В середине XIX века начинается новая волна гонений. В 1853 г. создается Особый Комитет. С 1854 г. все предприниматели при объявлении гильдейских капиталов обязаны были предъявлять свидетельства о принадлежности к *синодальному православию или единоверию*. Только в этом случае они сохраняли купеческое звание. А тот, кто был старообрядцем и не желал изменить вере отцов, считался купцом на временной основе или переводился в сословие мещан и с вполне вероятной записью в армию в качестве рекрутов. Благоволение к старообрядцам-единоверцам объяснялось тем, что только они во второй половине XIX века и до 1917 года согласились молиться за царя – жертва, на которую шли очень немногие. Часть наиболее одиозных постановлений была впоследствии отменена, но достаточное их число сохранилось. Так, в частности, губернское начальство должно было тайно доносить о конфессиональной принадлежности фабрикантов, направлявших свои изделия на региональные и общероссийские ярмарки. Между тем, крупнейшей ярмаркой была нижегородская – одна из торгово-промышленных вотчин старообрядцев. Приниженное положение старообрядцев стало источником массового мздоимства полицейских чинов. Для самозащиты староверы создавали в государственных учреждениях сеть осведомителей из числа прозелитов (ортодоксов, перешедших в староверие). Информация передавалась с помощью ямщиков – одной из популярных у староверов профессий.

Для того, чтобы выжить в условиях дискриминации, старообрядцы вынуждены были быть эффективнее своих ортодоксальных конкурентов. Им помогла их трудовая этика и покоящаяся на единстве веры артельная солидарность. Когда в их среде появились миллионеры-фабриканты, на заводах которых трудились уже тысячи, десятки тысяч рабочих, ядро по-прежнему составляли единоверцы. На принадлежавших им предприятиях насаждались старообрядческие порядки, которые не устраивали ор-

тодоксальных православных рабочих. Штрафы за выпуск недоброкачественной продукции, за ночные гулянки в общежитиях, за неряшливость, за пьянство и за прочие аналогичные поступки вызывали их резкое неприятие, становились причиной забастовок. Из среды единоверцев выдвигались управляющие, мастера, табельщики. Цеховые *советы* могли давать рекомендации, которые хозяин предпочитал учитывать. В случае неразрешенного конфликта дело могло быть представлено на суд *совета общины* и предприниматель рисковал утратить поддержку всего местного *национального* православного сообщества, что грозило ему большими неприятностями в деловой жизни. Характерно, что в их предпринимательской среде развивались акционерные формы собственности. Западноевропейские социал-демократы еще только обсуждали возможность участия наемных рабочих в предпринимательской прибыли, а у некоторых фабрикантов- старообрядцев это было явью. Даже самые консервативные единоличные собственники из их числа рано или поздно трансформировали свои предприятия в товарищества, в которые входили способные и образованные наемные работники-единоверцы.

Предприниматели-старообрядцы имели лидирующие позиции в быстрыми темпами развивавшейся текстильной промышленности. Специалисту, знающему, как старообрядцы одевались, не составляет особого труда определить конфессиональную принадлежность запечатленных на групповых фотографиях рабочих-текстильщиков. Даже если темная одежда мужчин и бороды плохо различимы, то светлые женские платки видны отчетливо. По тому, как они завязывались, можно различить даже возраст и семейное положение их обладательниц. Старообрядцы старались создавать своеобразные колонии и на заводах предпринимателей-ортодоксов. Это было связано с тем, что им возбранялось не только молиться, но и есть, и пить совместно с иноверцами. Забегая вперед, замечу, что именно ткачи (иваново-вознесенские) создали в 1905 году привычные для старообрядцев и первые для остальной России *рабочие советы*, ставшие основой государственного устройства русского общества, когда пробил час.

Социальное расслоение в среде городских “записных” старообрядцев, в сельской местности протекало медленнее. Оказавшись на мало-пригодных для сельского хозяйства землях, они не были крепостными и платили подати в казну. После отмены крепостного строя и получения земельных наделов от государства, в их среде так и не начались процессы социального расслоения, в отличие от старообрядцев, проживавших в районах устойчивого земледелия.

Изменения в старообрядческой среде привели к определенным расхождением в отношении царизма. Из числа угодных властям старообрядцев уже избирались городские головы, предводители купеческих собраний. У них развивались конформистские настроения. Вместе с тем,

следует со всей определенностью сказать, что во второй половине XIX века и у большинства самых благополучных из них отчужденность по отношению к самодержавию поколеблена не была. Собор в Белой Кринице (1868 г.) постановил отлучать от церкви молящихся за царя, признавших легитимность царской власти. Однако процесс шел. Очередной вехой стал закон 1883 года, позволивший, с разрешения МВД, строить моленные дома. О том, насколько “широко” он применялся, можно судить по тому, что в Нижегородской губернии на 172 старообрядческих моленных официально разрешенных было 12. В Вятской епархии, приемлющей белокрыницкое священство, из 60-ти – 5.

Сколько же было в России людей, денно и нощно молившихся о том, чтобы настал конец власти антихриста и пришел Спаситель? В начале XX века их численность оценивалась от 15- до 20-ти млн человек. К 1917 году – около 20 млн. Эти оценки сделаны с учетом *доступной в то время информации* о населении России двумя людьми, каждый из которых был заинтересован в том, чтобы не ошибиться в подсчетах. Один из них П. Милюков, возглавивший партию кадетов, которая пользовалась поддержкой старообрядчества. Вторым был В. Бонч-Бруевич, еще с конца XIX века занимавшийся по поручению В. Ленина изучением политического потенциала религиозных “сект” в интересах эсдеков. Двадцать миллионов веками гонимых царизмом и господствующей церковью – это уже не 24 тысячи второразрядных теоретиков-конспираторов. И это был далеко не весь и даже не главный потенциал будущей революции!

Существовало *странническое* согласие, приверженцы которого в разных местах могли быть известны под разными названиями, в частности, как “бегуны”. Его многочисленные члены не имели постоянного места жительства, не были привязаны к земле, не обзавелись ею после 1861 года, рождение детей и браки нигде не фиксировали, не имели недвижимости, не платили налогов, не попадали в переписи податного населения и в начавшиеся с 1897 года всероссийские переписи населения.

Возникло оно в Москве, в 1765-1766 г., вобрав в себя теоретическое наследие старообрядчества в самом радикальном толковании. Основатель странничества, инок Евфимий, учил, что *странник* не имеет права иметь собственность и все свое имущество должен отдавать общине. После его кончины осталась небольшая группа последователей. Казалось, течение канет в Лету, но случилось так, что в 1773 г. судьба свела донского казака Емельяна Пугачева с казаком-старовером Д.С. Пьяновым. По его совету, Пугачев назвал себя Петром III, улучшившим положение “раскольников”, и ушел с Дона на Яйк, где ему была обещана поддержка уральских древлеправославных, составлявших значительную часть рабочей силы зарождавшейся российской промышленности. В результате в повстанческую армию помимо крестьян влились рабочие и ремесленники. В архиве Оптинской пустыни хранится документ, принадлежащий руке почитае-

мого старца Амвросия, который свидетельствует о том, что и сам Пугачев принял старообрядчество. В результате народное восстание приняло нетрадиционный характер. Оно стало не крестьянской войной, разворачивалось не в привычной южной казачьей среде, отличалось особым упорством и продолжительностью. Екатерина II почувствовала разницу и расправлялась с уцелевшими повстанцами с особой беспощадностью.

Восстание Пугачева не было первой пробой сил староверов. В России уже были прецеденты религиозных войн, трактуемые ныне исключительно как движения социально-экономические. Конечно, социально-экономические! В Западной Европе религиозные движения тоже выступали с социально-экономическими требованиями, но известно кто их выдвигал – кальвинисты, лютеране, последователи Мюнцера и т.д. А в России почему-то “неизвестно”. К примеру, крестьянско-казацкая война 1707-1708 гг. В призывах его лидера Кондратия Булавина прямо говорилось о необходимости борьбы за “старую веру христианскую и за благочестивого царя, против людей, которые “водят всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменами”. Я бы квалифицировал это событие как начало русского варианта западноевропейских гугенотских войн. Начались они с запозданием на 200 лет, но по продолжительности совпадали. Первые имели место в XVI-XVIII веках, российские в XVIII-XX веках. И точки тоже были поставлены идентично – Великой французской революцией и Великой октябрьской революцией.

После поражения Булавина его последователь Игнатий Некрасов ушел на Кубань. Отряды некрасовцев еще долго появлялись на Дону, а после его смерти в 1737 г. в казачьем самоуправлении староверов сохранялись 180 “заветов Игната”, включая такие, как “царю не подчиняться”, “за богохульство расстреливать”, “твердо и незыблемо держаться старой веры”. Были и другие казаки – те, которые в 1688 году были приведены атаманом Осипом Михайловым к присяге на верность царю. Если все это “вспомнить”, то весьма сомнительными становятся так называемые предательства, в результате которых казацкие вожди попадали в плен царским генералам. Предательство не было свойственно казакам. Проблема взаимоотношений в казацкой среде коренилась в религиозно-идеологической розни, которая через 210 с небольшим лет столкнула их в конце концов в кровавом сражении на стороне “красных” и “белых”. Так или иначе, не в булавинском, а в пугачевском восстании зародилась массовая социальная база *страннического* течения.

Чем изощреннее были их преследователи, тем искуснее они конспирировались. Жили они в домах “странноприимцев”, нередко из числа ортодоксальных православных, которые давали обет креститься перед смертью в странничество. После крещения они уничтожали все бумаги, свидетельствовавшие об их личности. Бывали случаи, что после обряда крещения болезнь отступала, они оставались жить еще достаточно про-

должительное время. В любом случае для них самих, родственников и потомков возникала проблема прав собственности на недвижимость, она становилась “ничейной”. В страннической среде развилась идеология нестяжательства и бессеребреничества. Первопричиной было то, что они узрели в российских денежных знаках “звериное число”. На Соборе, состоявшемся вскоре после отмены крепостного права в 1864 году, обсуждались “статьи” влиятельного расколуучителя Никиты Семенова, имевшие непосредственное отношение к идеологическим основам движения. Никита Семенов отреагировал на появившиеся разномыслия словами “глагол мое, свое – проклятый и скверный”.

Согласно законам Российской Империи, права собственности, а значит, и право наследования имели люди, рождение которых зарегистрировано в книгах господствующей церкви. Старообрядцы к их числу не относились. Для них была предусмотрена иная процедура. Они должны были зарегистрироваться сами в полиции, там же зарегистрировать свой брак, а потом и рождение ребенка. Как только они заявляли о себе, сразу же становились объектом государственного насилия. Если бы они решили зарегистрировать брак, то по правилам должны были привести еще по два свидетеля от жениха и невесты, т.е. выдать охранке еще четырех членов общины. Если же они, скажем, переехали в другой город или село и, сказавшись мужем и женой, приносили регистрировать своего ребенка, то он все равно не был бы признан законнорожденным без свидетельства о браке из полицейского участка с прежнего места жительства. И вновь закон требовал присутствия свидетелей, которыми, по сути, могли быть только члены общины. Иначе говоря, для того, чтобы иметь сбережения в кредитно-денежных учреждениях, быть членом ссудо-сберегательных касс, кредитных товариществ, иметь документальные подтверждения на владение собственностью, иметь право передавать ее по наследству и право на вступление в наследство, нужно было порвать с общиной и в следующем после разрыва поколении обрести гражданские права. *Странники* предпочитали путь веры, и за это были обречены на пролетарское существование. Каждое новое поколение рождалось бездомным, а поскольку браки не регистрировались, то и безродным. Странноприимцы умирали, оставляя “ничейную” собственность. Бегуны приспособились. Жили в избах, которые переходили не от отца к сыну, а от единоверца к единоверцу. По типу таежных заимок, которыми мог воспользоваться любой охотник или путник. В городах было проще. Московский мещанский дом, например, состоял из двух изб, соединенных сенями. Хозяин – ортодоксальный православный, не имел представления об укладе жизни постояльцев. Еще меньше о них знала полиция. Они были закаленными невзгодами, суровыми, преданными идее мужчинами, женщинами, стариками и детьми, готовыми в минуту опасности сняться в поисках нового пристанища, новой работы, нового имени. Со-

гласно учению, *странник* есть тот, “кто избегает всякой привязанности, как к родным, так и к чужим”. *Странника* отличала высокая адаптивная способность к любым жизненным обстоятельствам ради сохранения благочестия – он тот, “кто везде с разумом пребывает, иноязычный среди иноязычного народа”.

Широко распространенное мнение, что старообрядчество – это деревенская религия, мягко говоря, не совсем соответствует действительности. Первые крупные онежские заводы времен Пера I в качестве рабочей силы имели главным образом староверов. Рост потребности в постоянных рабочих конца XIX – начала XX века не мог удовлетворяться за счет ортодоксальных православных. Промышленности и городскому хозяйству требовались миллионы рук, а казенных крепостных рабочих, получивших в результате реформы 1861 г. свободу, было чуть больше 400 тыс. Крестьяне, как известно, не стали частными собственниками земли. Она выкупалась общинами, уставы которых лишали общинников свободы действий, привязывали их к земле также прочно, как и крепостное право. Члены общин, в лучшем случае, становились временными, сезонными рабочими. Я упоминал уже старообрядчество как источник свободной рабочей силы для развивающейся российской промышленности. Более свободных, чем *странники*, трудно было бы сыскать. В городах было легче скрываться. Старовер-нелегал мог рассчитывать на помощь городских единоверцев открыто существовавших согласий, которые имели возможность снабжать их паспортами ранее умерших людей. Они меняли свое имя, фамилию и возраст. Это позволяло им ко всему прочему решать проблему взаимоотношений с миром антихриста, поскольку теперь субъектом этих отношений становились как бы не они, а кто-то другой, под личиной которого они скрывались.

Как и *безбрачные федосеевцы и поморцы*, они оказались лучше приспособленными к казарменной жизни промышленного пролетариата. Безбрачие освобождало их от обузы семейной жизни. Их с большей охотой брали на работу потому, что они не претендовали на семейную жилплощадь – специально отгороженные закутки в рабочих бараках. Их женщины рожали детей без опасения, что некому будет приглядывать за ними, пока они на работе, а рабочий день длился 11,5 часов. Своих младенцев они отправляли в родные скиты, где молодое поколение принимали с радостью. “Странники” с большим удовольствием брали не только “своих” детей под опеку. Известны случаи воровства детей ортодоксальных православных для того, чтобы воспитать их в духе “странничества”. Родители женщины, которая рожала детей, говорили, пусть хоть каждую неделю приносит младенцев, только бы не венчалась в церкви.

Еще с XVII столетия у старообрядцев появились первые ясли и детские сады, в которых дети могли оставаться до повзрсления, где их обу-

чали грамоте, кормили, обували и одевали. По некоторым свидетельствам, первые такие детские заведения обустраивались в лесных землянках – подземных скитах. Туда относили молодые матери своих маленьких детей и возвращались в городскую общину. В XIX веке эти так называемые сиротские дома появились в городах. Эти дети были более образованными, чем их сверстники из ортодоксальных православных семей. Они оставались в городах и создавали основу нового поколения рабочих, со школьной скамьи впитавших ненависть к самодержавию, отрицательное отношение к “сребролюбию” и ортодоксальному православия.

Сколько их было? Получить представление о потенциале *странничества* можно только методом дедукции. Обратимся к статистике, имеющей отношение к России в нынешних границах.

Таблица 5

Население	1811 млн	1897 (млн)		1917 (млн)		1937 (млн)		1956 (млн)	
		Данные переписи	Прирост к предыдущему	Данные переписи	Прирост к предыдущему	Данные переписи	Прирост к предыдущему	Данные переписи	Прирост к предыдущему
Всего	41,89	67,5	25,61	91	23,5	103,9	12,9	112,3	8,4
Городское	2,76	9,9	7,14	15,5	5,6	34,3	18,8	55,4	21,1
Сельское	39,13	57,6	18,47	75,5	17,9	69,6	-5,9	56,9	-12,7

Расчет динамики численности населения с 1811 г. по 1996 г. дает следующую картину:

Таблица 6

	1811-1897 гг.	1897-1917 гг.	1917-1937 гг.	1937-1956 гг.	1956-1976 гг.	1976-1996 гг.
Прирост населения (млн)	25,61	23,5	12,9	8,4	22,4	13,3
Годовой прирост населения (млн)	0,297	1,175	0,645	0,442	1,12	0,665

Если верить статистическим данным, то динамика роста населения выглядела так, как это представлено на рис.1. Столбец (4) показывает, что вторая мировая война негативно повлияла на динамику роста населения. Столбец (6) свидетельствует о неблагоприятной демографической ситуации, сложившейся в последние два десятилетия XX века. И совер-

шенно необъяснимым выглядит столбец (2), который свидетельствует о демографическом благополучии, якобы имевшем место в России накануне 1917 года, хотя, по логике вещей, он должен был бы быть не выше, а существенно ниже кривой естественной динамики популяции из-за первой мировой войны, как и столбец (4) после второй мировой войны. Ситуация, в лучшем случае, должна была бы выглядеть так, как показано на рис.2.

Рис. 1

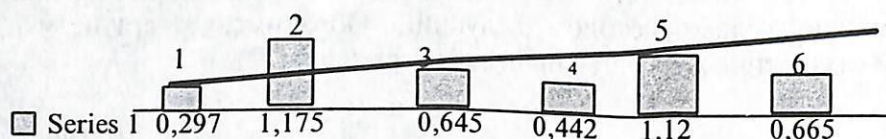
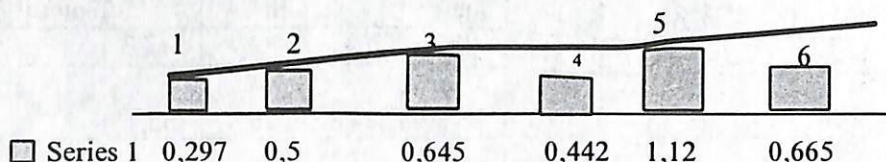

Рис. 2

Официальные данные дают иную картину. В чем дело?

Итак, прирост населения с 1897 г. по 1917 г., т.е. за 20 лет был примерно равен приросту за предшествующие 86 лет, что вызывает сомнения. Сопоставление динамики численности населения за эти 20 лет с последующими 20-летними периодами тоже свидетельствует о необъяснимом демографическом “взрыве” в этот период российской истории. Годовой прирост населения в 1897-1917 гг. должен был бы составлять величину между 0,297 и 0,695 млн в год, и то при условии, если бы Российская империя не участвовала в первой мировой войне, а статистика дает 1,175 млн в год.

Цифры за 1937-1957 годы показывают, что участие России во второй мировой войне более чем на треть снизило темпы прироста населения по сравнению с предшествующими 20 годами. Причем, даже послевоенный всплеск рождаемости не смог компенсировать потери. Первая война, конечно, была менее кровопролитной, однако не следует забывать, что в ней участвовало 29 миллионов военнослужащих, из которых каждый третий погиб. С российской стороны в ней участвовали 13 миллионов человек. Известно также, что потери царской армии в процент-

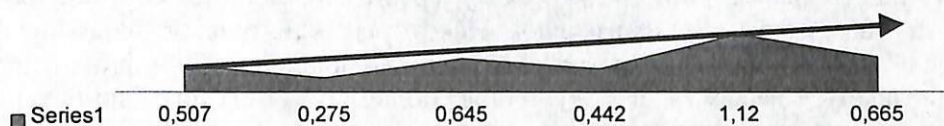
ном отношении были выше, чем у других стран-участниц. Значит, число погибших должно было быть никак не меньше 4,5 миллионов. Война, по сути, еще не закончилась, а значит, и компенсации потерь также еще не было. Таким образом, если допустить, что прирост населения в 1897-1917 годах составлял 0,5 млн в год, и вычесть из полученных 10 млн 4,5 млн военных потерь, то прирост населения должен был составить около 5,5 млн, а не 23,5 млн! Иначе говоря, по самым скромным подсчетам, речь идет о 18 миллионах “лишних людей”.

Демографического взрыва не было, эти люди преднамеренно уклонились от переписи 1897 года. Их следует вычесть из переписи 1917 года и приплюсовать к переписи 1897 г. В результате, полностью изменилась демографическая картина первой половины XX века.

Таблица 7

	1811- 1897 гг.	1897- 1917 гг.	1917- 1937 гг.	1937- 1956 гг.	1956- 1976 гг.	1976- 1996 гг.
Прирост населения (млн)	43,61	5,5	12,9	8,4	22,4	13,3
Годовой прирост населения (млн)	0,507	0,275	0,645	0,442	1,12	0,665

Рис. 3

Вычтем из 18 млн приблизительно 1 млн нерусских, остается 17 миллионов. Есть все основания полагать, что эти 17 миллионов были в своем подавляющем большинстве представителями затерявшегося в дебрях русской истории *страннического* народа. Причем, следует обратить внимание на то, что при общем 35-процентном статистическом “приросте” населения 53 процента пришлось на “рост” городского населения и 31 процент – на село. – Вот схема миграции этого не учитывавшегося ранее “народа” в народе. Почему они объявились?

Этому способствовали Императорский манифест 17 октября 1905 г., новая редакция “Основных законов Российской Империи” 1906 г. и закон “Старообрядцы и сектантские общины” 1906 г. В России вводились веротерпимость, свобода вероисповедания, упразднение дискриминации между представителями различных конфессий, свободное избрание места жительства, права юридических лиц старообрядческим общинам,

право выражать и распространять свои мысли. Теперь странники могли не скрываться от статистиков, но и не более того. Это не означало, что они становились полноправными гражданами. Поскольку у них не было, как у других, собственных моленных домов и не было духовных лиц, наделенных правом вести метрические книги, то для них законом были предусмотрены записи актов гражданского состояния в городских управах и в волостных правлениях на прежних неприемлемых для них условиях. То есть в переписи населения они уже появились, но гражданских прав так таки и не обрели, к чему они и не стремились, так как ни ответственность им не была нужна, ни налогов они платить не собирались.

Таким образом, в России помимо 20 млн “записных” старообрядцев существовали еще 17 млн бойцов “невидимого фронта”. Для большинства из этой 37-миллионной массы и особенно для 17 млн, свержение самодержавия было мечтой, вынашивавшейся двенадцатью поколениями их предков! Вот они многомиллионные “революционные массы”, к созданию которых большевики никакого отношения не имели и “революционность” которых была очень специфичной. История создала их до того как большевики появились на свет, и на рубеже XX века еще не было известно, какая политическая сила ими воспользуется.

Вопрос тогда ставился иначе. В 1900-1905 гг. у старообрядцев – фабрикантов и купцов уже были и деньги, и вес в обществе. В их отношении к самодержавию и к господствующей церкви уже не было ненависти. Их представители имели прямые контакты с министрами царского правительства. Они стали более умеренными, склонными к восприятию левых политических взглядов. Некоторых влиятельных людей из их среды привлекали идеи немецкой социал-демократии. Они финансировали выпуск левых газет и журналов. Большинство из них были старообрядцами, приемлющими священство Белокриницкой иерархии – самой малочисленной, но с 1900 по 1917 год признанной представительницей всех старообрядческих согласий в политической жизни Российской Империи. Миряне-старообрядцы с 1901 года стали проводить ежегодные съезды. С 1905 года стали приглашать на них представителей других согласий. Выступления делегатов свидетельствовали о нарастающем консерватизме верхушки и о растущем радикализме рядовой массы. Первых интересовало ограничение самодержавия, признание полного равноправия с господствующей церковью и проведение реформ, позволяющих ускорить экономическое развитие России. Вторые своего отношения ни к самодержавию, ни к ортодоксальному православию не меняли. К тому же, для них дела религиозные стали отходить на второй план. На первый – выдвинулось создание кооперативов и кредитных товариществ в городах и селах, борьба против “лавочников” и кулаков – этих “гнилых прыщей на народном теле”. В 1908 г. они поставили перед собой задачу созывать всестарообрядческие съезды. Им это не удалось, но

многого они в объединении и в пропаганде единства достигли. В эти годы в России издавались 17 старообрядческих журналов. “Веротерпимые” власти их закрывали, но они появлялись под новыми названиями.

В 1906 году в соответствии с решениями декабрьского (1905 г.) съезда создается “Союз 17-го октября”, который возглавил прихожанин Белокриницкой епархии, крупный предприниматель А. Гучков. С некоторым опережением независимо от октябристов возникла партия конституционных демократов. На внеочередном (в феврале 1906 года) съезде старообрядцы заслушивают доводы П. Рябушинского, а также председателя Совета Съезда Д. Сироткина и принимают решение поддержать кадетов. Кандидатура Милюкова в качестве лидера кадетов возражения не вызвала – он был антимонархистом и не имел порочащих его связей с ортодоксальной православной церковью. Таким образом, старообрядчество имело политических представителей как своего радикального крыла в лице кадетов, так и своего умеренного крыла в лице октябристов. Одновременно создается ряд вспомогательных партий и организаций.

В тот период Белокриницкое согласие, как национального выразителя воли российского старообрядчества, в меньшей степени интересовало степень “левизны”, “либерализма” или “консерватизма” всех этих партий и движений, если они соответствовали основополагающим критериям. *Главным для них было, чтобы политическая сила выступала за ограничение или свержение самодержавия, за веротерпимость и не была бы связана с ортодоксальным православием.* У конкретных людей были свои предпочтения вплоть до черносотенных, поскольку одной из причин своих бед они, как я уже отмечал, видели в “иностранном влиянии” на русское общество. Ее члены выпускали и погромные листовки, и входили в “Русское национальное единство”, но они представляли меньшинство, поскольку этот вопрос, хотя для национального православия и важный, но в тот момент был на периферии внимания образующих его “согласий”. Были среди них и те, кто создавал в Москве первые “советы”. 27 ноября 1905 года на собрании московских старообрядцев они заявили, что свободу старообрядцам несет “не разлагающееся правительство”, а “освободительное движение”, те, кого “правительство за смелое слово ссылало в Сибирь, гноило по тюрьмам и крепостям”.

Мощь национального православного братства была впечатляющей. Оно обеспечило “своим” кандидатам в депутаты всех четырех дореволюционных Дум голоса избирателей из всех сословий русского общества, не дало поднять головы монархическим организациям. Голос ортодоксальной православной церкви – опоры самодержавия – стал еле слышен. На протяжении всех 12-ти сумасшедших лет, с 1905 по 1917 год, несмотря ни на что, продолжало незримо поддерживать октябристов, кадетов и даже социалистов. Упорства ему было не занимать. Суммарный вес его (братства) протеже рос от Думы к Думе. В третьей и четвертой

Думе его непосредственный представитель – Союз 17-го октября – занимал уже командные высоты. 2-го марта 1917 года Николай II отрекся от престола. Отречение принял политический представитель национально-го православия старообрядец фабрикант-миллионер А. Гучков. Лично он удовлетворился бы и конституционной монархией, но ему в затылок дышали десятки миллионов единоверцев, ожидавших именно отречения. Поэтому, узнав о намерениях царя уйти от дел вместе с наследником-сыном, он сомневался недолго. Став Военным министром во Временном правительстве, он сразу же отменил обязательность для военнослужащих посещения храмов господствующей церкви. Результат был поразительным – принятие солдатами причастия сократилось со 100 до 10%. Этот факт следует оценивать, принимая во внимание возросший в 1916 году приток в действующую армию старообрядческих священнослужителей. Поведение одетых в шинели крестьян демонстрировало истинные масштабы влияния старообрядчества.

Монархии нет. Старообрядчество остановилось в нерешительности, потому что ни планов государственного переворота, ни планов государственного строительства у него не было. *Все произошло не так, как они представляли себе конец власти антихриста.* Царя нет, но и *Спасителя* тоже нет. Решение проблемы было отдало на откуп интеллигенции, входившей в начале 1917 года политический блок октябристов, кадетов и социалистов. Созданное ими Временное правительство изменяющимися составами *пыталось опереться на существующую вертикаль государственного управления, в основе которой были земства и городские думы, и стало падать.* Создававшееся еще при царях подобие самоуправления ни самоуправляться, ни даже существовать без подпорок было не в состоянии. Реакция интеллигенции была предсказуемой – необходимо срочное *исправление неправильного общества правильными законами.* Между тем, любое самое удачное построение, которое только может возникнуть в результате его “исправления”, неизбежно становится хорошей или плохой, но “висящей вертикалью” со всеми вытекающими для общества последствиями. Если бы Керенскому и Милюкову удалось выполнить задуманное, то общество продолжало бы терзаться в состоянии нравственной неопределенности, незавершенности, незаконченности, недоделанности всего, чего бы ни предпринималось.

То, что произошло с национальным православием в начале XX века, ярко проявилось в трагической судьбе видного его представителя фабриканта Саввы Морозова. Получивший высшее образование в России и Кембридже, не любивший царский режим, финансировавший РСДРП, ее печатные издания, но более склонный к идеям западной социал-демократии, он оказался между молотом и наковальней. Над ним нависала традиция предков в лице родственников, старообрядческого управленческого аппарата предприятий клана Морозовых, друзей мил-

лионеров-старообрядцев. Под ним формировалась ожесточенная масса рабочих его заводов, которые готовили планы общественного переустройства, собираясь для этой цели в построенных им же – Саввой Морозовым – старообрядческих трактирах “Общества трезвости”. Итог драмы показателен. Социал-демократ – “старообрядец” кончает во Франции жизнь самоубийством в 1905 году, чуть-чуть не дожив до Манифеста 17 октября. В России остается его клан обеспеченных, почитаемых людей и все более наливавшееся гневом миллионное старообрядчество. Между ними – вакуум, а природа не любит пустоты.

СОВЕТЫ И БОЛЬШЕВИКИ

Десятки миллионов *братьев и сестер*, которым не к кому и не к чему было обращаться за теоретической и методической помощью, стали создавать то, что они умели – *советы*, с помощью которых они веками решали свои общинные проблемы. Только теперь не в “скитах”, “пристанях”, “согласиях”, в артелях и на предприятиях, а в деревнях и в городах. И называться они стали советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов – поскольку староверы ко всему прочему и были рабочими, солдатами да крестьянами. Их идеология в подробностях повторяла идеологию национальных православных общин, включая различия, существовавшие между их региональными “согласиями”. Поэтому Советы “непримиримых” в Екатеринбурге, где потом расстреляют царскую семью, отличались от Советов “умеренных” в Петербурге, где это вряд ли могло случиться, а Советы “умеренных” в Юрьеве от Советов еще более умеренных в Москве, где казнь совершенно точно не состоялась бы. Инициатива перешла от поповцев к беспоповцам.

Создавалось впечатление, что в стране воцарился хаос. Не всем оказавшимся на вершине общества в 1917 году открылось, что активная часть народа создавала “кирхшпиль” на свой национально-православный лад. Ту самую основу естественной самоорганизации общества, на которой стоит вертикаль государственного управления в западном обществе, в которой примиряются корпоративные противоречия. Это увидела фракция эсдеков, называвшая себя “большевикам”. Их сила состояла в готовности изменять своим взглядам, теориям, партийным установкам и одновременно в способности увидеть донное течение, подстроиться под него и плыть, используя естественную стихию. Если старообрядчество сохранилось и даже окрепло, выработав идеологию выживания, то большевики не исчезли, благодаря освоению искусства возможного в политике. Если бы взаимосвязь общества и государства не была построена по принципу “опускающейся вертикали”, то и в российской социал-демократии не появились бы подпольные большевики, а в русском христианстве – подпольное национальное православие.

Вероятность их объединения переросла в неотвратимость летом 1917 года, когда возглавляемые Керенским социалисты, допущенные политически близорукой верхушкой старообрядцев во Временное правительство, решили с помощью Корнилова усмирить стихийное государственное строительство. *Царский генерал, после победы над царизмом!!!* Этого рядовые старообрядцы не простили бы никому, даже “своим” генералам. Как таковой, корниловский мятеж был малозначимым событием, если бы не та цепная реакция, которую он вызвал. История создавала старообрядческое братство и большевизм отдельно друг от друга, а корниловский мятеж свел их вместе.

Большевики достроили к советам-“кирхшпилю” недостающую вертикаль управления, обеспечив устойчивость власти, которая оперлась на внутреннюю убежденность огромного числа активных и решительных людей в правоте своего дела. Для сплочения им не нужна была выдуманная интеллигенцией “русская идея”. Они сложили вместе свой багаж. Большевистский вклад в идеологию состоял в “законе стоимости”, “законе прибавочной стоимости, в учении об общественных классах и атеизме. Вклад братства состоял из того, что они нарабатывали веками борьбы за право на существование. Во-первых, это были синдромы “пагубного иностранного влияния” и “вражеского окружения”. Во-вторых, это система взглядов на труд и плоды труда – трудиться должны все, но не для личного обогащения, а на общее благо. Осуждение социального расслоения и оправдание скромного существования. Примат общей собственности на землю и орудия труда. В-третьих, это система взглядов по вопросам морали и нравственности. Преданность общему делу и самоотверженность в достижении общих целей. Свобода брачных связей и общинное воспитание детей. И самое главное – это рефлекс “птичьей стаи”. Миллионы староверов веками сохраняли близость, не смотря на разногласия

Идеологические установки национального православия с неприципиальными исключениями прослеживаются в большинстве протестантских учений – обстоятельство, введшее в заблуждение немецких лютеран, американских баптистов и методистов, которые рванулись в России помогать строить новую жизнь. Потом все в ужасе отшатнулись. Аналогию происшедшему можно узреть в соединении двух безобидных веществ, которые вместе образуют взрывчатую смесь. На Западе рационализм власти упирается в человека, “созданного по образу божьему и подобию”, поэтому власть ограничена в праве распоряжаться им. Это не должностная инструкция, а убежденность каждого отдельного чиновника. *Для чиновника-атеиста особой разницы между человеком, трактором или лопатой не стало.* В российском революционном котле братство не только делилось с большевиками своей идеологией, но и заимствовало. Оно, как и протестанты на Западе, буквально на шаг стояло от материа-

листического мировоззрения. От познания Бога через откровения св. Писания они пришли к познанию Бога в природе, затем перешли к познанию истины в знании. На этой дистанции западные протестанты и остались, а русские старообрядцы, оказавшись у власти, шажок, отделявший их от атеизма, сделали. Родился *монстр*, в котором атеистическое безразличие к человеку со стороны чиновника совместилося с религиозным рвением и самоотдачей масс.

Взаимопроникновение двух идеологий породило и еще один социальный феномен. Сочетание рефлекса “птичьей стаи” с учением о классах привело к тому, что общество самоорганизовалось по принципу “роя”, превосходящего своей синергией и православное, и католическое, и протестантское общества. “Стая”, чтобы существовать, должна куда-то лететь. “Рой”, для существования которого необходимо интенсивное движение, может никуда при этом не двигаться. *Моделью самоорганизации возникшего общества стал “неподвижный рой”*. Сравним это общество с православным, католическим и протестантским, используя для этого таблицу 8.

Таблица 8

	Объект идеологического воздействия	Эффективность воздействия	Степень государственного участия	Общественная стабильность	Управляемость	Синергия
Православие	Община	минимальная	максимальная	минимальная	минимальная	минимальная
Католицизм	Семья	средняя	средняя	средняя	средняя	средняя
Протестантизм	Человек	максимальная	минимальная	максимальная	максимальная	максимальная
Советы	Человек	максимальная +	минимальная +	максимальная +	максимальная +	максимальная +

Знак (+) означает высшую степень качества

Думаю, что большая часть определений ни у кого не вызывает сомнения, но, вероятно, последние записи столбцов 2 и 3 нуждаются в комментарии. Доказательств *эффективности воздействия на сознание* множество.

Я приведу только те, что и меня самого поражают. Миллионы жертв политических репрессий полагали, что их судьба – результат чей-то ошибки и даже погибали с именем Сталина на устах. Миллионы заключенных-уголовников концентрационных лагерей делали татуировки на груди с изображением Сталина и проявляли враждебность к политическим противникам большевизма. Прошел период большевизма, прош-

ло еще полвека размывания большевистского наследия, а вторая по численности фракция в Думе состоит из членов КПрФ.

Теперь о *“минимальности государственного участия”* в индоктринизации общества. В католическом и протестантском обществе *“кирхшпиль”* является основой, на которой стоит вертикаль власти. Государственные служащие исповедуют ту же веру, что и основа, но это разные люди по образованию и классовой принадлежности. Основа признает верховенство власти, представленной людьми более высокого интеллектуального уровня. Власть управляет основой, на которой стоит.

При советской власти государство не опиралось на массы, оно выросло из них. Руководство советским обществом с самого низкого уровня до самого верха было построено с учетом его классового состава. Представительность самого крупного класса – рабочего, а также крестьянства во всех органах власти соблюдалась самым тщательным образом. Это было не общество и государство, а *“общество-государство”*, в котором не только между идеологическими установками, но и интеллектуальными способностями рабочего, крестьянина, главы государства принципиального различия не было. Гигантский, многомиллионный монстр твердо стоял на ногах. Он выстроил тех, кого жизнь еще не научила ходить строем, сопротивлявшихся уничтожил и зашагал во главе колонны. У марксистских экономистов не было неразрешимых проблем в реализации *“закона стоимости”*. Я об этом писал в шестом номере журнала *“Общество и экономика”* в 1999 г. За 30-35 лет, несмотря ни на какие трудности и преграды, включая разрушительную войну, они совершили невероятное – производительные силы страны преобразились.

Страна стала сверхдержавой. Но какой ценой?! Это был героический период, в котором все было гипертрофировано – и величие духа, и бездна деградации. Советы обеспечили социальную основу перехода к новому способу общественного воспроизводства. Они создали условия для того, чтобы сделать внутреннюю убежденность многочисленной и наиболее активной части населения доминирующей. Возникла неведомая остальному христианскому миру модель общественно-государственного устройства – *вертикаль, зажатая с двух концов*. Не берусь утверждать, что избранный путь был лучшим из возможных в России начала XX века, но нет у меня уверенности и в том, что он был худшим.

Все, что касалось основы геоцентризма – от руды и угля до станков и электростанций в предреволюционные годы было связано с иностранным капиталом и зарубежными технологиями. Русское общество не могло использовать не только свои природные, но и интеллектуальные ресурсы. Первая в мире универсальная паровая машина было создана на Алтае. Скончался ее создатель, умерла и машина. Сколько русских ползуновых бесследно сгинуло до и после большевиков! А при большевиках? Тех, кто опережал время, НКВД не понимал и уничтожал.

Остальных он загнал в казарму, и народ смог воспользоваться плодами своего интеллекта. Кто виноват? НКВД или все общество, которое без НКВД могло бунтовать, сокрушаться, писать стихи и музыку, но не могло строить самолеты и заводы, города и дороги? Может быть, их вообще не надо было строить? Не знаю. В чем у меня сомнений нет, так это в эффективности большевизма, в его соответствии потребностям геоцентризма. Проиллюстрирую свои слова таблицей 9 с добавлением “совдеповской” модели.

Таблица 9

Модель общественно-государственного устройства	Роль личности	Прохождение управляющего сигнала	Реакция государственной власти на общественное мнение	Устойчивость власти	Предсказуемость общественного поведения	Предсказуемость курса государственного управления
«Стоящая вертикаль»	Минимальная	Без изменений	Адекватная	Максимальная	Максимальная	Максимальная
«Висящая вертикаль»	Максимальная	С изменениями	Неадекватная	Минимальная	Минимальная	Минимальная
«Зажатая вертикаль»	Минимальная +	Без изменений	Адекватная +	Максимальная +	Максимальная	Максимальная

Знаком (+) обозначена высшая мера качества

Наверняка возникли возражения по поводу “минимальности” роли личности в большевистской модели. Дескать, это касалось только масс. Я утверждаю, “культ личности” и “роль личности” – разные понятия. Культ личности создается не самой личностью, а массами. Культовая личность ведет себя так, чтобы соответствовать желанию масс. Они скованы одной цепью. Не применительно к большевизму, но очень доказательно этот феномен описан Джеймсом Фрезером в 1923 году в замечательном исследовании религиозного миропонимания на примере многих народов мира. Культ личности означает ее минимальную свободу.

Второе возражение, надо полагать, возникло по поводу “адекватности” реакции власти на общественное мнение. Большевики де силой навязывали свою волю русскому народу. О какой адекватности может идти речь, тем более со знаком плюс?! По этому вопросу придется быть более многословным.

Многое из того, что приписывается большевикам, имея в виду пришедшую в 1917 году к власти группу эсдеков-большевиков, никогда не было в их замыслах и не ими было совершено. Чуть ли не все, что происходило в реальной жизни, противоречило или не совпадало с их дореволюционными теориями. В своем большинстве они были людьми со средними умственными и высоко развитыми адаптивными способно-

стями, вскарабкавшимися на массовое движение, с которым слились, частично участвуя, но больше присматриваясь и приспособливаясь к происходящему, чтобы их самих “революционные массы” не смели со своих плеч. “Великий практик” в привычном для него стиле “зорко” посматривал по сторонам и занимался популяризацией чужих идей. Сказались главные свойства большевиков – *жажда власти и покорность обстоятельствам* – постулаты свободы осознанной необходимости.

История Советской власти – величайшая мистификация XX века. Когда еще рано было создавать мифы, в выступлении на пленуме коммунистической фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года Сталин заявил следующее: “Необходима была новая ориентировка партии в новых условиях борьбы. Партия (её большинство) шла к этой новой ориентировке ощупью. Она приняла политику давления Советов на Временное правительство в вопросах мира и не решилась сразу сделать шаг вперед *от старого лозунга диктатуры пролетариата и крестьянства к новому лозунгу о власти Советов*. [...] Эту ориентировку дал партии Ленин”, это было “*поворотным пунктом* в развитии нашей партии” Обратите внимание, что речь о возглавляемой большевиками пролетарской революции не шла.

Переориентация далась большевикам нелегко. На первой конференции Совдепов России большевики набирали 15-20% голосов. В Петросовете весной 1917 года они составляли 40-50 представителей из 400-500 депутатов. Знаменитые [апрельские] тезисы тов. Ленина о власти Советов Совдепы проигнорировали. Троцкий потом уверял, что это Сталин, а не совдепы, скептически относился к апрельским тезисам, но я склонен верить свидетельствам Сталина потому, что об этом свидетельствуют июньские результаты выборов.

До прихода советской власти оставалось всего четыре месяца, а делегатами на первый Всероссийский Съезд Советов, подготовленный и созванный Петроградским Советом 3-24 июня 1917 г., избраны 285 эсеров, 248 меньшевиков и только 105 большевиков. В выступая в Баку в 1920 году, Сталин признавал, что большевикам из-за политической близорукости и чистоплюйства социалистов в руки попал один-единственный, *но столичный* совдеп, к созданию которого они отношения не имели и существование которого до осени 1917 г. обеспечивалось не ими. Власть Временного правительства ограничивалась дверьми кабинетов его министров. На периферии никто кроме стихийно создававшихся *советов* и “комитетов” делами государственного управления не ведал. В Петербурге, с подачи большевиков, съезд совдепов объявил власть своей. Именно объявил, а не взял, потому что она де-факто и так была в их руках. Большевики ничего никому не навязывали. Они сами присоседились.

И Ленин и Сталин неоднократно заявляли, что советская власть и партия большевиков – не одно и то же, что “Советы осуществляют дик-

татуру, а партия руководит Советами”. Вопрос о том, кто кем руководил, не так прост, как может показаться на первый взгляд. С октября 1917 и до конца 20-х годов *происходил процесс большевизации советов и советизация большевиков*. В какую сторону в конце концов сместилось это динамическое равновесие, мы увидим по конкретным делам.

Сталин не заблуждался насчет того, кто сверг самодержавие, но публичное признание фактического положения дел было исключено. Не могли же атеисты и вожди пролетариата признать, что дело за них сделали старообрядцы. Я приведу редкое высказывание, которое никто не мог понять и, видимо, только по этой причине оно не подверглось “поправкам” в 1946 году при публикации его сочинений. В статье “Вторая волна”, после стандартного реверанса в сторону рабочего класса, он пишет о силах, низложивших царя, и в первую очередь указывает на “либеральных буржуа”, “кои отошли от царизма из-за неспособности *проложить дорогу к Константинополю*”. Смысл этого иносказания понятен только тем, кто знает причину раскола между национальным и ортодоксальным православием. Развивая эту мысль в статье “Что нам нужно?”, он говорит, что “победив царя, они не захотели взять власть в свои руки... *ведомые дурными пастырями*” – это он об остановившейся в нерешительности старообрядческой верхушке.

Привлекает внимание и его статья “*Окружили мя тельцы мнози тучны*”. Он пишет: “Русская революция ниспровергла немало авторитетов. Ее мощь выражается, между прочим, в том, что она не склонялась перед “громкими именами”, брала их на службу, либо отбрасывала их в небытие, если они не хотели учиться у нее. Их, этих “громких имен”, отвергнутых потом революцией – целая вереница: Плеханов, Кропоткин, Брешковская, Засулич и вообще все те старые революционеры, которые только тем и замечательны, что старые”. Сталин понял, на кого следует равняться. Эсдеки – большевики первой волны пошли под топор “революционной” смены.

Оценивая характер отношений между советами и большевиками, видишь, что дело далеко не только в личности и деятельности Сталина. Не секрет, что РКП(б), а затем и ее преемница ВКП(б) пополняли свои ряды из числа активистов советских органов власти. Шел неуклонный процесс перерождения, становление *новой* партии большевиков. На смену дореволюционным интеллигентам приходили выходцы из рабочей и крестьянской среды. Если сопоставить сведения о росте большевистской партии с проблемами, которые обсуждались на их съездах, видно, что даже Сталин испытывал явный дискомфорт. Поясню на примере одной из самых острых сегодняшних проблем – землевладения и колхозов. Она досталась нам в наследство. Никто не сомневается, что коллективизация таким способом, каким она проводилась *советами* – это проделка большевиков. Так ли это?

Позиция большевиков по аграрному вопросу обсуждалась на съезде в Стокгольме (апрель 1906 г.) Представлено было три позиции. Плеханов предлагал муниципализацию земли, т.е. передачу земли в земские органы самоуправления. Ленин предлагал национализацию земли при условии полного перехода власти к народу. Принята была аграрная программа Рожкова (бывшего тогда в заключении и лично в работе съезда не участвовавшего), согласно которой все земли передавались крестьянским хозяйствам в частную собственность. Сталин был именно за рожковский вариант аграрной реформы. С этой программой большевики и пришли к советам, но "коллективизация" пошла по другому сценарию.

Сначала Сталин, возглавлявший Комиссариат государственного контроля в инструкциях советским чиновникам предлагал избегать действий, которые могли бы восприниматься крестьянством как произвол властей. Как только закончился период военного коммунизма, он стал требовать прекращения продолжавшейся советами практики комбедов и раскулачивания середняков, как действия, провоцирующего новую гражданскую войну. На XIV съезде он вынужден был потребовать от партийцев, численность которых достигла 1025 тыс., умерить страсть к раскулачиванию.

Бывшие активисты советов, ставшие партийцами и вернувшиеся в советы уже в качестве идеологов, тем не менее продолжали раскулачивание. Одновременно исполнительные органы Советов начали коллективизацию. Обобществлялось все, включая жилье, мелкий скот и птицу. Сталин выступил 2 марта 1930 г. с известной статьей в "Правде" под названием "Головокружение от успехов". Под давлением обстоятельств он даже не настаивал на большевистской (близкой лично ему) аграрной программе. Он предложил компромиссный вариант, по сути копирующий организацию сельскохозяйственных артелей поморских старообрядческих монастырей, "как наиболее правильную и понятную крестьянам форму, дающую возможность сочетать личные интересы колхозников с их общественными интересами".

Я упоминал, что русские неправославные христиане очень рассчитывали, что их коммуны придутся по душе ездекам. Но вопрос решали не они. В национальном православии колхоз – организация, в которой совместно трудятся, а не совместно богатеют, потому что труд есть "тяжкое благо", а не источник богатства. Еще Фома Аквинский дал такое определение труду и с тех пор оно остается для всех христиан истинным, но толкуется по-разному в зависимости от того, на каком слове делается ударение. У "беспоповцев" оно было на слове "тяжкое". Сталин не выдержал и на первом (февраль 1933 г.) Всесоюзном съезде колхозников-ударников выступил с призывом *сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными*. Как видим, советское видение колхозов явно не сходилось с большевистским.

Влияние старообрядческих, в основном беспоповских согласий, сказалось на многих сторонах жизни формировавшегося советского общества. Староверы, для которых образование было важнейшей составляющей общинной жизни, приняли самое активное участие в борьбе с безграмотностью. Веками старообрядческие советы выполняли роль и *судебных органов*. Эта практика легла в основу нераздельности государственной и судебной власти в Советской России. *Безбрачники* настояли на том, чтобы государство признало гражданский брак и детей от гражданского брака. До 1917 года в помощь матерям-одиночкам старообрядческие общины содержали детские ясли-сады-школы и богадельни. Поэтому они требовали, чтобы члены общины отдавали заработанные деньги в общую кассу, и наказывали за “сребролюбие”. После 1917 года это стало функцией ВЧК. Никого в 20-е годы не удивляло движение женщин-пролетарок за свободную любовь, с одной стороны, и увлеченность первой секретной службой большевиков сиротами – с другой. Ясли, как государственное учреждение, возникли при советской власти. Остальной Европе этот феномен не известен. Беспоповские *наставники цеховых* молелен развились в институт заводского наставничества – пожилые рабочие стали обучать молодых правилам труда и жизни. Обреченные на нелегальный и полуполюгальный образ жизни, подавляющее большинство старообрядцев были поставлены в условия, при которых важнейшие решения, касавшиеся жизни общины, по необходимости носили скрытный характер, принимались в кельях. Келейность, секретность стала одним из врожденных атрибутов советской власти. Никому в Европе в голову не могло придти, что подавление политического сопротивления можно очень просто осуществлять с помощью *прописки*, “привязав” людей к тем местам, где их случайно застали, чтобы они всегда были в поле зрения. *Странники* из своего опыта борьбы с ненавистным государством это знали наверняка. Будь в царской России “прописка”, им было бы несдобровать. Помимо прописки исполкомы советов воспроизвели и специфическую модель пользования “ничейным” жильем. Для ортодоксальных православных естественным было владение *собственным* жильем. За 250 лет это стало неестественным для многих старообрядцев. Они считали вполне нормальным проживание в коммунальных квартирах и в рабочих бараках, которые, даже завоевав власть, продолжали строить десятилетиями.

Перечитайте вновь биографии командиров РККА, ЧК, ОГПУ, НКВД и обратите внимание на то, как много среди них людей, которые не знали своих предков. Плоды “страннической” жизни, они стали верными солдатами своего, нового общества. Национальный герой маршал Жуков и его родители, например, не знали, кто построил дом, в котором он родился, и кто родители отца. Он обыденно сообщает, что взяла его одинокая бабушка из *сельского сиротского дома*, которая и сама не вест

откуда взялась. Откуда могли взяться “ничейная бабушка”, “ничейный дом” и сиротский приют в деревне Стрекаловка Калужской губернии в конце XIX века (Г.В. Жуков родился в 1896 г.)?! Жители ортодоксально-православных деревень были представителями одного-двух, редко нескольких родов. Они были в родстве и друг друга знали. Сиротских домов они не имели.

К середине 30-х годов партийная масса более чем на 90 процентов состояла из людей, пришедших из *советов* со своим идеологическим багажом. Советизация ВКП(б) завершилась. Большевики первой смены утверждали, что социалистической революции не было. Сталин, в частности, тоже называл переход власти к совдепам октябрьским переворотом. Термин “Великая октябрьская социалистическая революция” – плод более позднего “творческого овладения марксизмом-ленинизмом” советскими большевиками. Это были совсем другие люди.

Любопытно, какая метаморфоза произошла с марксистско-ленинской теорией о классах. У большевиков, вступавших в партию до 1917 года, не возникало сомнения, что взятие власти и экспроприация буржуазии устраняет лежащий в основе классовой теории конфликт между общественным способом производства и частнособственническим способом присвоения. “Новые” большевики имели по этому вопросу принципиально иной взгляд. В современной историографии тезис “обострение классовой борьбы” в советском обществе списывается на паранойю Иосифа Сталина. На мой взгляд, этот тезис был естественным продуктом совмещения классовой теории *большевиков* с синдромом вражеского окружения *староверов*. У эсдеков-большевиков, которые всегда спасения искали и находили за рубежом, которые заимствовали свою идеологию у “иностранцев”, не было причин питать неизъяснимое отвращение к “иностранному влиянию”, искать и находить шпионов среди представителей Коминтерна и Кима, не говоря уж обо всех остальных, а вот у их наперсников – были и очень серьезные.

И, наконец, о пресловутом *атеизме*. Дореволюционные эсдеки не намеревались истреблять священнослужителей и православные храмы. В их теориях религия никогда не рассматривалась в качестве ключевого врага. Атеисты-интеллигенты, против которых направлены практически все стрелы обличителей большевизма, вряд ли могли исписывать стены храмов бывшей *господствующей* церкви (я хотел бы подчеркнуть эту важную деталь) площадными ругательствами, устраивать там отхожие места, или умыкать Ризу Господа и митру с двумя гвоздями Креста. Эти культовые предметы атеистам были явно ни к чему. Национальное православное братство тоже таких целей не преследовало. Но вот конкретные *братья* с еще не рассосавшимися рубцами от кандалов имели вполне оправданную злобу к доносившим на них “попов”. К тому же для последователей ряда согласий храмы господствующей церкви святым местом

вообще не были. И только христиан могли интересоваться культовые реликвии, не имевшие рыночной ценности.

Повествования о большевистском безбожии обычно начинаются с январского (1918 г.) декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви и с рассказов о том, как физическое существование духовенства было поставлено в зависимость от жертвенности верующих. Ну что можно сказать? *Советская власть* поставила господствующую церковь в точно такое же положение, в котором старообрядцы пребывали сотни лет. Нет, не в такое же. Старообрядцы об этом только мечтали. Их веками заставляли уплачивать специальный налог в пользу предавшей их анафеме Русской Православной церкви (чем не основание для экспроприации экспроприаторов?) и отправляли в острог за то, что они смели как-то проявить свою принадлежность к старообрядчеству. Власть *советов* поставила привыкшую к господству Церковь в несравненно лучшее положение, чем то, на которое она обрекла своего идеологического оппонента, когда сама была у власти.

В большевистский период советской власти можно выделить три периода. Начало *первого* я связываю, естественно, с октябрём 1917 г., а завершение – с опубликованием в апреле 1927 г. митрополитом Сергием Декларации лояльности советской власти от лица всей Церкви. Тогда отношение и к ортодоксам, и к старообрядцам укладывалось в логику борьбы против реставрации монархии. Притеснениям подвергались священнослужители, реально представлявшие опасность новой власти, или заподозренные в этом. Естественно, среди ортодоксов таких было больше. Среди старообрядцев – единицы, в основном из числа *единоверцев*.

Завершение *второго периода* (1927-1937 гг.) я связываю с проведением переписи населения, когда в последний раз в истории России власть интересовалась конфессиональной принадлежностью граждан. Этот период протекал под знаком *советизации* большевизма, с формированием *новой религии*. 250-летнее ожидание конца света получило логическое завершение. Старообрядческая эсхатология связывала конец эры антихриста с пришествием в мир *Спасителя*. Читателю-атеисту напомним, что Его пришествие не связано с какими-то сверхъестественными событиями. Он должен был появиться в обычном человеческом облике, своими словами и делами доказать, что не лжепророк. Ленина признали Спасителем, который победит зло и несправедливость. Сталина признали продолжателем его дела. Все было более или менее в рамках традиции. Отличие состояло в том, что была признана возможность Царства Божьего *на земле*, а не на небесах – свою роль сыграл и деизм. Раньше разграничительная линия проходила между ортодоксами и староверами. Теперь по одну сторону оказались *новые* верующие – в основном староверы и отчасти ортодоксы, по другую *традиционные* – в основном орто-

доксы и отчасти староверы. В 30-е годы все традиционные верующие становятся объектом преследований.

1937-1953 годы – период безраздельного господства новой религии. Ее сила была настолько велика, что к концу 40-х другим религиям были сделаны послабления. Лишь через годы после смерти Сталина, к концу 50-х государство стало проводить в полном смысле атеистическую политику.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Объемы статьи не позволяют остановиться на всем разнообразии проявлений присутствия старообрядчества в делах советов и большевиков. Но, по крайней мере, еще одно обстоятельство заслуживает внимания. *Куда делись старообрядцы после октябрьской революции 1917 года?* Упоминания сохранились в отношении небольшой части из них, которые до революции обзавелись хозяйством, занялись предпринимательской деятельностью и вслед за Белокрыницким архиепископом Милетием называли Великую октябрьскую социалистическую революцию антихристовым делом. В гражданскую войну они вступали в отряды атамана Семенова и барона Унгерна. Можно приводить и другие примеры, все вместе они касались бы судеб десятков, от силы – сотен тысяч людей, которым было что терять, а братство, напомним, насчитывало 37 миллионов – почти столько же, сколько и ортодоксальных православных, если учитывать, что в 91-миллионном народе собственно России насчитывалось несколько миллионов нехристиан (татары, башкиры и т.д.).

В настоящее время у старообрядцев всего 185 зарегистрированных объединений против 8002 объединений Русской Православной церкви. Воссоединения православных церквей не было. Не возросла и паства официальной православной церкви по сравнению с дореволюционным периодом, то есть предположение, что старообрядцы обратились в ортодоксальное православие, отпадает. Напрашивается один ответ – *старообрядчество стало частью сначала советского, а потом и современного атеистического русского общества*. Что, конечно, не умаляет и роли ортодоксальных православных. Их политическая пассивность, неспособность защищать свои идеалы в решающий момент истории не заслоняет собой того факта, что, приспособляясь к новой действительности, они вынуждали вторую половину населения считаться с собой.

Торящие русло эволюции медленные донные течения не видны. Внимание привлекают поверхностные рябь и пузыри. Минное поле, сдетонировавшее в 1917 году, закладывалось в течение длительного исторического периода. Все события имели причинно-следственную связь. Случайность встречи национального православия с большевизмом в критический момент истории относится к разряду видимых проявлений нена-

блюдаемых закономерностей. Христианство в очень специфической форме стало идеологической основой самоорганизации русских людей. Видимо, без этого ускоренное развитие геоцентричных производительных сил было невозможно. Ношу взяла на себя советская власть, и под “руководством” большевиков несла ее так, как смогла. Отрезок истории с 1917 года по середину 50-х годов правильнее было бы называть *русской Реформацией*.

История не нуждается ни в похвалах, ни в осуждениях, её просто нужно знать. Модель русской Реформации – “вертикаль, зажатая с двух концов” – оказалась пригодной на очень ограниченном историческом этапе. Жесткая, лишенная способности к саморазвитию, она, подобно всем одноразовым приспособлениям, утратила свою ценность, как только общество довело до абсолютного максимума эксплуатацию природных ресурсов. Ускорив развитие в 20–50-е гг., позволив взлететь на пик ресурсного потребления, она стала тормозить дальнейший прогресс. Для перехода к антропоцентризму её нельзя ни использовать в прежнем виде, ни развивать дальше. Попытки изменить ситуацию в последнее десятилетие привели к тому, что “вертикаль” власти вновь повисла, ни во что не упираясь.

Для продолжения развития предстоит воспринять новую идеологию свободы, в которой к ограничителям предшествующих этапов присовокупится еще один, но Россия к этому не готова и ничего для развития “готовности” не предпринимается. В прошлый раз общество не смогло утилизировать природные ископаемые – главный ресурс той парадигмы развития. Теперь оно проявляет неспособность использовать интеллектуальный потенциал – главный ресурс новой парадигмы. Общественно-государственное устройство вернулось в исходное дореволюционное состояние со всеми вытекающими последствиями, не видеть которые просто невозможно. В этой ситуации попытки копировать модель перехода к новому способу воспроизводства у стран, идущих по пути эволюционного прогресса, заведомо обречены. Предшествующий ход истории вынуждает вновь думать о “русской модели”. Все указывает на то, что России придется пережить еще один этап дискретного пути развития. Потенциал перемен вновь накапливается в подполье, противозаконно. Русское общество готовится наступить на грабли.
